

МОРИС БЭРИНГ

Краткий обзор русской литературы

<Фрагменты>

Татьяна такая же реальная и настоящая, как любая из героинь мисс Остин, такая же живая, как Софья Вестерн Филдинга¹, и так же очаровательна, как и любая женщина Джорджа Мередита²; столь же разумна, как Порция, и решительна, как Джульетта. Тургенев, при всем присущем ему волшебстве, и Толстой, со всем своим господством в описании различных красок жизни, так и не создали более правдивой, блистательной и типичной русской женщины. Она собрала всё лучшее, что есть в русской женщине; это, так сказать, все лучшее, что есть в России, а персонаж этот взят непосредственно из жизни, а не из сказочной страны — это тот тип, который существует до сих пор, как и во времена Пушкина. Она первая в длинном списке галереи русских женщин, которых подарили нам Тургенев, Толстой и Достоевский, и которые являются сокровищами русской литературы, потому что они отражают венценосную славу русской жизни. Татьяна влюбляется в Онегина с первого взгляда. Она ему пишет и признается в любви, и во всей лирике мира нет ничего более трогательного и простого, чем это признание. Оно совершенно. Если бы Пушкин написал только это, всё равно его место в литературе было бы уникальным и отличало его от всех других поэтов.

Возможно, некоторые могут подумать, что есть в мировой любовной лирике достижения и значительней; но нет ничего бесполезнее и нелепее, чем давать оценки великим поэтам, как будто они сдают экзамен. Если вещь настолько хороша сама по себе, как только может быть, то какая польза говорить, что она хуже или лучше чего-то другого, что также ценно само по себе. Тем не менее поставленная в один ряд с каждым из великих признаний в любви в стихах — история Франчески в аду, прощание Ромео

и Джульетты, торжественная клятва Федры, письмо дона Хуана Тенорио — красота Татьяниной исповеди не снижается никакими противопоставлениями. О других произведениях Пушкина, столь выдающихся, как, например, лучшие отрывки из «Бориса Годунова», вы можете сказать: это великолепно, но есть и драматические отрывки произведений других поэтов столь же прекрасные; однако в письме Татьяны Пушкин создал нечто уникальное, не имеющее аналогов, потому что только русский мог написать его, а из всех русских только он. Это стихотворение чистое, как горный хрусталь, и непосредственное, как песня черного дрозда³. <...>

«Онегина» часто сравнивают с «Дон Жуаном» Байрона. И это сходство в том, что оба произведения связаны с современной жизнью, и в обоих стихотворениях поэты проходят путь от печали до радости, от суровых испытаний до беззаботности, и часто прерывают повествование, чтобы обратиться к читателю. На этом сходство заканчивается. С другой стороны, существует огромное различие. В «Онегине» нет приключений. Это история о повседневной жизни. Кроме того, это органическое целое, так хорошо построенное, что подходит для либретто — Чайковский создал оперу без труда. Существует еще одно различие — различие, которое касается Пушкина и Байрона в целом. Нет неравномерности у Пушкина; его творчество всегда на высоком уровне. Вы можете восхищаться им вообще или только определенным фрагментом, но он все равно будет оставаться восхитительным. В то время как Байрона можно принимать только целиком или не принимать вообще — причина в том, что Пушкин был отличный художник формы и ее выражения, а Байрон не был.

<...> ...Величайшим из его коротких стихотворений, вероятно, является «Пророк». Это потрясающее стихотворение, в котором Пушкин достиг небывалой высоты. Это Мильтон по концепции и Данте в выражении; удивительная чистота созвучий, как голос серебряного горна. Это, как говорится, Геркулесовы столбы русского языка. Ничего более точного невозможно сделать с созвучием русских гласных и согласных; невозможно столь идеально составить и представить их в таком небольшом произведении, дающим столь огромный простор воображению.

<...> Пушкин — национальный поэт России, Петр Великий поэзии — тот, кто на иностранном материале мог создать что-то новое, национальное и русское, и остаться нетленным образцом для будущих поколений. Главная особенность его гения — универсальность. Представляется, что нет ничего, чего он не мог бы

понять и усвоить. И именно эта всеобъемлющая человечность — Достоевский называет его *πανάνθρωπος*⁴ — это способность понимать все и всех делает его настолько глубоко русским.

<...> Он освободил русский язык от рабства обыденности; и всю свою жизнь он учился, чтобы приблизиться к уюту, вкусу и запаху народного языка. Подобно Петру Великому, он всю свою жизнь провел в подмастерьях и всю свою энергию направлял в мастерство. Он был великий художник, его стиль прозрачен, пластичен и чист; в нем нет размытых контуров, помарок, недосказанных фраз или ноток сомнения. Его цельные образы отличаются прозрачностью, как описание женщины у Д. Донна⁵, чья

...чистая и красноречивая кровь
Разлита по ее щекам и так отчетливо видна,
Что можно подумать, что тело ее мыслит.

Его речь является неотъемлемой плотью мысли. Кажется, что мы слышим, как он думает. Он одарен божественной легкостью и спонтанной непосредственностью. Его душа была искренней, благородной и открытой; он был легкомысленным, как дитя своего века; но он также был гражданином мира; и это то, что делает его величайшим русским поэтом.

<...> После выхода «Ревизора» Гоголь уехал из России навсегда и поселился в Риме. В его голове зрел замысел величайшей важности, над которым он работал в течение некоторого времени. Это были «Мертвые души», самая амбициозная его работа и шедевр. <...> Преследуемый мечтой, которую он не в состоянии был осуществить, и неудовлетворенными амбициями, Гоголь ушел в себя, и его природное религиозное чувство становилось все интенсивнее и сделало его аскетом и затворником. Этот слом в середине карьеры характерен для России. Толстой, конечно, является наиболее типичным примером. Но это общая русская черта для мужчин — на полпути к успешной карьере свернуть в сторону и искать утешение в том, что не от мира сего.

«Мертвые души» Гоголя произвели глубокое впечатление на образованных людей России. Роман покорила западников своей реалистичностью, художественной концепцией и ее исполнением, социальными идеями; и порадовал славянофилов и консерваторов правдой жизни и русским колоритом. Когда первая глава была вслух зачитана Пушкину, тот воскликнул, когда Гоголь закончил: «Боже, какая печальная страна Россия!» И это, конечно,

но, правда, несмотря на то что книга местами забавна и многие сцены в ней комичны; Гоголь не льстил своей стране и соотечественникам; и когда русские читали только что вышедший роман, у многих было искушение роптать. Роман актуален и по сей день, когда появляются писатели с гением Гоголя и описывают похождения современного Чичикова; ибо, хотя обстоятельства могут быть совершенно разными, хотя больше нет «душ», чтобы их покупать и продавать, Чичиков все еще жив — и, как сказал Гоголь, любой из его читателей после честного самоанализа обнаружит в себе Чичикова, и, если он встретит знакомого, не преминет подтолкнуть своего собеседника и сказать: «вон пошел Чичиков». «А кто и что такое Чичиков?» Ответ: «подлец». Но он такой забавный прохвост, настолько бесстыдно подлый, совершенно лишенный самоуважения, такой великолепный лжец, настолько правдоподобный самозванец, изобретательный обманщик, что он поднимается от подлости почти к величию.

В нем действительно есть что-то от величия Фальстафа, в этом торговце мертвых «душ». Его низость почти возвышенна. Он в любом случае заслуживает место в галерее типичных негодяев человечества наряду с Фальстафом, Тартюфом, Пекснифом⁶ и графом Фоско⁷. И даже если он не заслуживает звания человека, он тем не менее не может быть обвинен в лицемерии. Его кучер Селифан, который напивается с каждым «приличным человеком», является достойным создателя Сэма Уэллера. Но отличает Гоголя в «Мертвых душах» от великих сатириков других стран и его сатиру от *saeva indignatio*⁸ Свифта, например, то, что после тщательного разбора, буквально по косточкам, подлости своего героя он обращается к аудитории и говорит, что нет причин для возмущения, поскольку Чичиков является только лишь жертвой правящей страсти — наживы; и возможно, даже в существовании Чичикова может проявиться причина, которая в один прекрасный день заставит смириться и склонить колени перед Божественной мудростью. <...> Он ставит Чичиков не ниже в моральном плане, чем он поставил бы Наполеона, Гарпагона или дона Жуана — все они жертвы страсти, и все они великие по этой причине — для Чичикова это подлость, Гарпагона — скупость, для Дона Жуана — распутство. И это удивительное милосердие, слитое с едкой иронией, — снова исключительно русская черта.

«Мертвые души» глубже, чем любая книга из раннего творчества Гоголя. Она глубока так же, как «Дон Кихот»; и как «Дон Кихот» заставляет мальчишек смеяться, юношей думать, а стариков плакать. Не говоря о философии и идеях, «Мертвые души» ока-

зали большое влияние на русскую литературу как произведение искусства. Как Пушкин освободил русскую поэзию от высокопарности и обыденности, так и Гоголь русскую прозу — от владычества высокопарного стиля. Он продолжил работу Пушкина — то, что Пушкин совершил в стихах и наметил в прозе — Гоголь пошел дальше; и, изображая обычную жизнь, написав роман без любовной интриги, с таким героем, как Чичиков, он создал русский реализм. Он описал, что видел, без лести и преувеличения, но в виртуозной манере, с инстинктивной композицией, с тем чувством ритма и избирательности, которые свойственны великим художникам.

В те времена это была революция. Никто тогда даже и не мечтал написать пьесу или роман без любовной интриги; и так же, как Пушкин открыл для России, что есть такая вещь, как русский пейзаж, Гоголь снова пошел дальше и показал ту тайную и непонятную силу, что присуща однообразной и монотонной жизни государства Российского, и неиссякаемый источник юмора, абсурда, иронии, эксцентричности, фарса, комедии в повседневной жизни обычных людей. Так что, как бы его современники ни выискивали достоинства или недостатки, вред или пользу в его произведениях, он оставил своему народу устойчивые, классические модели прозы, художественной литературы и рассказов, так же как Пушкин завещал им неизменные модели стиха.

После «Мертвых душ» Гоголь не написал больше ни одного романа. В 1847 были опубликованы отрывки из переписки с другом, которые оказались сенсацией, потому что в книге Гоголь проповедовал подчинение правительству, как духовное, так и мирское. Западные энтузиасты и либералы в целом были весьма шокированы. Можно понять их отвращение; однако нелегко понять их удивление, ибо Гоголь никогда не претендовал на то, чтобы быть либералом. Он показывал пороки, глупость и слабости чиновников, потому что они были присущи им: скупость, жадность и упрямство. Это легко может понять как консерватор, так и либерал, как православный, так и атеист. Но современники Гоголя не поняли ту бурю, что бушевала в течение длительного времени в его душе и таилась в себе. Он всегда был религиозным, а стал исключительно религиозным; он совершил паломничество в Святую Землю; он тратил средства на благотворительность, особенно для бедных студентов, и он жил как аскет до самой смерти в возрасте сорока трех. Какая утрата, и хочется сказать — часто возникает соблазн сказать это на протяжении всей истории русской литературы.

Вторая часть «Мертвых душ» написана Гоголем на творческом подъеме, и замечательно, что она у нас есть, но сожаление вызывает то, что остальное было уничтожено или, возможно, никогда не писалось. Но спрашивается, если бы он не имел того накала чувств, которые привели его в конечном счете к отказу от искусства, он был бы просто художником, каким он и являлся. А его способность создавать многоцветный мир персонажей не произрастает ли на той же почве, что привела к созданию всех произведений и на которой, в конце концов, вырос цветок религиозного отречения. Впрочем, как бы там ни было, Гоголь оставил после себя богатое наследство. Он является одним из великих юмористов в литературе Европы, и тот, кто даст Англии хороший перевод его произведения, сделает подарок стране. Мериме поставил Гоголя среди лучших английских юмористов. Его юмор и пафос были тесно связаны; но нет в его иронии злой язвительности. Его произведение может иногда вас огорчить, но (как и в случае с двумя голубями Крылова) он никогда не наскучит, и он никогда не оставит вас с чувством отвращения или привкусом горечи, его труды основаны на милосердии и обладают и по форме, и по содержанию драгоценным даром очарования. Гоголь — автор, которого всегда будут любить и столь же сильно восхищаться, его рассказы являются благом для молодежи, для многих юношей и девушек золотые ворота романтики были открыты именно Гоголем, разрушителем русского романтизма и основателем русского реализма.

<...>

Творчество Горького стало таким же откровением, как творчество Редьярда Киплинга в Англии. Не только содержательная часть открыла двери, которые невозможно себе представить, но и отношение к жизни его, казалось, отличается от всех предыдущих русских романистов, и все же разница между ним и его предшественниками не так велика, как это кажется на первый взгляд. Это правда, что его грубые и мятежные герои, вместо того чтобы играть Гамлета или найти решение для жизни в любви, смирении и покорности, выживают и приспособляются любой ценой, выживание сильнейших определяет кулак и острый нож; но разве эти новые герои так уж разительно отличаются от тех бескомпромиссных типов, которых мы наблюдали и которые занимают половину русской литературы на протяжении всей ее истории, от Базарова до Петра Великого, и чье существование было основано на замечании о том, что Петр Великий — одна из составляющих русского характера? Представьте Базарова

на дороге, или Лермонтова, или даже Петра Великого, и вы получите босоногого героя Горького.

Горький создал что-то абсолютно новое в описаниях мест и образа жизни, и в той манере, в какой он это описывал; особенно это касается его отношения к природе: впервые в русской прозаической литературе мы уйдем от «православных» традиционных пейзажей и окажемся лицом к лицу со стихией. Мы чувствуем, как будто новый глоток воздуха вошел в литературу; мы ощущаем то же, что и люди, столкнувшись с манерой отношения к природе, в которой поэты Вордсворт, Байрон, Шелли, Кольридж начали писать в Англии в восемнадцатом веке.

Чехов работал по-старому. Он наследовал Тургеневу, хотя его содержательное поле другое. Он больше, чем любой другой писатель, и лучше, чем любой другой писатель, изобразил эпоху застоя, когда Россия, как однажды сказал русский, до смерти заигралась в карты сама с собой. Атмосфера его произведений — серая, да и вообще напоминает, как говорит Толстой, фотографию, присущий ему объективный реализм, а также отсутствие высокого стиля; но если Чехов — это фотограф, он в то же время величайший художник черно-белого, и его пессимизм нейтрализуется двумя другими факторами: чувством юмора и человечностью; будь это не так, невероятно печальное и невыносимое впечатление сложилось бы от тех страданий, которые испытывают огромное количество его героев — купцов, студентов, помещиков, корчмарей, официантов, учителей, судей, попов, чиновников.

